Varia

Иван Амбарцумов

Армянский протестантизм и религиозный кризис в Шемахе (1840-е–1860-е гг.): к вопросу о российском имперском конфессионализме

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-229-252

Ivan Ambartsumov

Armenian Protestantism and the Religious Crisis in Shamakhi (1840s–1860s): Toward the Question of Russian Imperial Confessionalism

Ivan Ambartsumov — Chair of History for Teaching at Natural Sciences and Humanities Faculties, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). ivanrusk@mail.ru

This article is dedicated to the initial period of the history of Armenian Protestantism in the Russian Empire. It characterizes the basic principles of Russian confessional policy concerning Armenians, such as the state's support of the Armenian Apostolic Church and its opposition to Catholic and Protestant propaganda among Armenians. This article discusses the background of the Armenian Protestant movement and reveals that it was due to the activity of American missionaries in the Ottoman Empire and of the Basel Missionary Society in Russian Transcaucasia. Further, it describes the history of the formation of the Protestant community in the city of Shamakhi in Baku Governorate and the circumstances of its legalization as a parish of the Evangelical Lutheran Church. It also considers the reasons for the conversion of part of the Shamakhi Armenians to Protestantism and the possible contacts of the Protestants of Shamakhi with foreign religious organizations. The author analyzes the reasons and approaches that guided the officials of the MVD (Ministry of Internal Affairs) and

Амбарцумов И. Армянский протестантизм и религиозный кризис в Шемахе (1840-е–1860-е гг.): к вопросу о российском имперском конфессионализме // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 229–252.

Ambartsumov, Ivan (2018) "Armenian Protestantism and the Religious Crisis in Shamakhi (1840s–1860s): Toward the Question of Russian Imperial Confessionalism", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 36(1): 229–252.

the Caucasus Viceroyalty in the settlement of the conflict between the Armenian Protestants and the religious authorities of the Armenian Apostolic Church. He comes to the conclusion that the religious crisis in Shamakhi was resolved by the Russian powers in compliance with the principles of imperial bureaucratic confessionalism and limited religious tolerance that existed in Russia before 1905.

Keywords: Russian Empire, Protestantism, Lutheranism, Armenian Apostolic Church, Basel Mission, proselytism.

История протестантского движения среди армян Российской империи, особенно его начального периода, изучена мало. Историк армянской церкви Дж. Гуайта сообщает о распространении протестантизма в середине XIX в. среди турецких армян. При этом «в русской Армении», по его утверждению, «протестанты появятся в начале XX в.»[1]. Между тем, уже в 1880 г. уроженец г. Шуши и воспитанник швейцарских миссионеров Авраам Амирханянц сообщал в личном письме министру внутренних дел Л.С. Макову о существовании армянских евангелических общин «в Шемахе, Баку, Шуше, Эривани, Александрополе, Карсе, Кулиджане и самом Вагаршапате, резиденции Армянского католикоса»[2].

Шемаха неслучайно указана на первом месте, поскольку именно там община армян-протестантов впервые сумела получить легализацию в качестве прихода лютеранской церкви. Религиозный конфликт в Шемахе между протестантскими прозелитами и духовными властями Армянской церкви получил широкий резонанс, его урегулирование происходило на высшем правительственном уровне. Тем не менее до сих пор нет специальных работ, посвященных этому примечательному эпизоду армянской и российской конфессиональной истории, в существующей же литературе содержатся отрывочные и местами неточные сведения. А. Оганджанян во вводной части своего очерка об армянском евангелизме и пятидесятничестве упоминает о деятельности в Карабахе и Шемахе базельских миссионеров, которых она ошибочно именует баптистами (в действительности Базельское миссионер-

1. *Гуайта Дж.* 1700 лет верности. История Армении и ее церкви. М.: Юнистрой СК, 2005. С. 150.
2. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 166.

ское общество, занесшее в русскую Армению семена протестантизма, было основано реформатами и лютеранами и декларировало свой надконфессиональный характер), и о превращении этих районов в «центры армянских евангелических баптистов»[3]. В.Г. Тунян в монографии о католикосе Матеосе Чухаджяне, не рассматривая подробно историю шемахинской протестантской общины, сообщает вкратце о некоторых эпизодах религиозного раскола среди местной армянской диаспоры — об обращении части армян в протестантизм в результате деятельности «базельских евангелистов», об отлучении отступников Матеосом и неудачных переговорах последнего с «представителями протестантов во главе с архимандритом Амбарцумяном», о поданном армянскими евангелистами ходатайстве властям о переходе в лютеранство, наконец, об «амнистии» шемахинских протестантов, объявленной католикосом под давлением российской администрации в 1865 г. Как был в итоге урегулирован данный религиозный кризис, армянский историк не сообщает, констатируя лишь, что «этот вопрос так и не был разрешен при жизни католикоса Матеоса»[4].

Подробные сведения о шемахинском казусе и его урегулировании содержатся в Российском государственном историческом архиве, где в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий имеется специальное дело, посвященное «лютеранской пропаганде среди армяно-григориан»[5]. Информацию по рассматриваемому сюжету содержат также опубликованные источники по истории Кавказского наместничества: XII том «Актов, собранных Кавказскою археографическою комиссиею»[6] и письмо наместнику Кавказа А.И. Барятинскому директора его канцелярии А.Ф. Крузенштерна от 11 августа 1862 г., помещенное в качестве приложения в биографическом исследовании А.Л. Зиссермана[7].

3. Ohanjanyan, A. (2014) “Evangelical and Pentecostal Communities in Armenia: Negotiating Identity and Accommodation”, in A. Agadjanian (ed.) *Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice,* p. 95. Farnham: Ashgate.

4. *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. Ереван, 2011. С. 91–92, 97, 100–101, 113–114, 136, 144.

5. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65.

6. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала Князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1904. С. 538–541.

7. *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. 3. М.: Университетская типография, 1891. С. 92–94.

Чтобы верно понять подходы и принципы, которыми руководствовались российские чиновники при разрешении религиозного конфликта в Шемахе, необходимо коснуться некоторых общих моментов, таких как положение инославных церквей в Российской империи, правовое регулирование перемены вероисповедания российскими подданными, наконец, политика властей империи по отношению к Армянской церкви (которая имела как внутрироссийский, так и международный аспект). Вопросы эти неоднократно рассматривались в различных работах по конфессиональной истории дореволюционной России[8], тем не менее автор счел нужным сделать небольшие историко-правовые экскурсы по указанным проблемам.

Политика Российской империи в отношении армян начиная с XVIII в. базировалась на покровительстве их основной национальной конфессии — Армянской Апостольской церкви (в российских официальных актах церковь эта именовалась Армяно-Григорианской, и мы это именование будем употреблять далее). После присоединения к империи земель Восточной Армении по Туркменчайскому миру с Персией (1828) было разработано Положение об управлении Армяно-Григорианской церкви в России, получившее высочайшее утверждение в 1836 г. Данный акт, в числе прочего, закреплял почетный статус главы армянской церкви — патриарха-католикоса, чья резиденция, Эчмиадзинский монастырь, располагалась теперь на российской территории. Конечно, Армяно-Григорианская церковь, как и прочие легализованные в империи конфессии, ставилась под контроль российского чиновничества, осуществлявшийся через посредство Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Вместе с тем, ограничение свободы Армянской церкви было меньшим, чем в отношении Католической, Лютеранской и даже Православной церкви. Например, в русском православии институт патриаршества был упразднен петровским Духовным регламентом, в Армяно-Григорианской же церкви он был сохранен, более того патриарх-католикос избирался с участием представителей как российских, так и зарубежных армянских епархий (а не назначался непосред-

8. См. напр.: *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: НЛО, 2012; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010; *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. — июль 1914 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

ственно императорским указом, как другие инославные иерархи). Во второй половине XIX — начале XX в. Армяно-Григорианская церковь была единственной инославной церковью в империи, имевшей существенные земельные владения, в то время как имения Римо-Католической и протестантских церквей, равно как и значительная часть владений Православной церкви, подверглись секуляризации.

Поддержка Армяно-Григорианской церкви и ее главы — патриарха-католикоса имела целью расширение русского влияния на зарубежных армян, главным образом на турецкую армянскую диаспору. Эта цель, однако, достигалась отнюдь не всегда. Влияние Эчмиадзина на армянскую общину Турции было далеко не решающим, ибо община эта управлялась константинопольским армянским патриархом, который был подотчетен Оттоманской Порте и признавал верховенство Эчмиадзинского престола лишь в духовных вопросах, но не в церковно-административных. Эчмиадзинские католикосы были, как правило, озабочены не столько продвижением интересов России среди зарубежных армян, сколько защитой собственных прав в сфере церковного управления на российской территории и противодействием любому контролю над Армяно-Григорианской церковью со стороны имперской бюрократии. Российских чиновников с течением времени вся более раздражала «чрезмерная» самостоятельность армянских патриархов, которые были подконтрольны самодержавной власти гораздо менее прочих инославных духовных сановников. Ухудшение отношений между самодержавием и Эчмиадзинским престолом особенно явственно обозначается в 1880-е гг., а в начале XX в. переходит в открытый конфликт. Тем не менее некоторые черты особого статуса сохранялись у Армяно-Григорианской церкви вплоть до конца существования Российской империи[9].

Совершенно иным было отношение русского правительства к религиозным меньшинствам армянского народа, составляв-

9. См. *Верт П.* Глава церкви, подданный императора: армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 // Ab imperio. 2006. № 3. С. 99–138; *Тунян В.Г.* Армяно-русские отношения в церковной сфере. 1836–1917 гг. // Akunk. 2013. № 2 (8). С. 3–23; *Амбарцумов И.В.* Армяно-грегорианская церковь и Российское государство в конце XIX — начале XX века. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2010. № 4. С. 115–127; *Амбарцумов И.В.* Эчмиадзинские католикосы и их влияние на общественно-политическую жизнь Армении (1892–1912) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2012. № 3. С. 76–87.

шим довольно незначительный процент от общей его массы. Так, например, армяно-католики (униаты, признававшие главенство Рима с сохранением традиционной обрядности армянской церкви) были в России лишены даже права иметь собственного епископа. Многочисленные их просьбы об учреждении на Кавказе особой армянской католической епархии отклонялись правительством из опасения, что в результате этой меры будут поколеблены позиции Армяно-Григорианской церкви, расширены возможности для «совращения» ее чад в католицизм[10]. Так же негативно относились российские власти к армянскому протестантизму.

Проникновение в армянскую среду протестантской проповеди начинается со второй четверти XIX в. Армянам Османской империи протестантизм принесли американские миссионеры, представители организации «American Board of Commissioners for Foreign Missions» (A.B.C.F.M.), основанной в 1810 г. в Бостоне несколькими деноминациями кальвинистского толка. Первый миссионер организации, Уильям Гуделл, прибыл в Турцию в 1831 г. После неудачных попыток миссионерства среди мусульман и иудеев американские «евангелизаторы» обратили свой взор к представителям восточных христианских традиций. В частности, ими было открыто в Турции много школ для армян. В 1846 г. турецкие армяне, уклонившиеся под влиянием американских миссионеров в протестантизм, были подвергнуты константинопольским патриархом Матеосом Чухаджяном отлучению и вскоре образовали отдельную Армянскую Евангелическую церковь, которая в 1850 г. была признана турецким правительством в качестве «миллета» — автономного религиозно-политического сообщества[11]. Распространился протестантский прозелитизм и на персидских армян. По данным московского армянского журнала «Юсисапайл» («Северное сияние») от 1861 г. «протестантские миссионеры имели в деревнях Персидской Армении учебные заведения для детей обоего пола, а в г. Урмии располагалось центральное учебное заведение, где в типографии печаталась газета “Рассвет просве-

10. *Амбарцумов И.В.* Армяно-католический вопрос в Российской империи в начале XX в. // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 84–105.

11. *Гуайта Дж.* 1700 лет верности. История Армении и ее церкви. С. 150; *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян... С. 46–47; Ohanjanyan, A. (2014) “Evangelical and Pentecostal Communities in Armenia: Negotiating Identity and Accommodation”, in A. Agadjanian (ed.) Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice, pp. 94–95.

щения”»[12]. Одна из причин успехов протестантских миссионеров заключалась в распространении ими Библии и религиозной литературы на современном армянском языке, в то время как Армянская Апостольская церковь совершала богослужение на языке «грабар» (классическом армянском), и на нем же читалось Священное Писание. В России, например, даже в 1870-е гг. армянский католикос препятствовал публикации Нового Завета на «народном армянском языке», видя в этом издании инструмент протестантской пропаганды[13].

Появление первых адептов протестантизма среди российских армян связано с деятельностью Базельского миссионерского общества — основанной в 1780 г. международной протестантской организации, в которой ведущую роль играли швейцарские реформаты и лютеране из Вюртемберга. В 1822 г. религиозно толерантное правительство Александра I разрешило базельцам организовать миссию в российском Закавказье с целью обращения в христианство мусульман и язычников. В г. Шуше (Карабах) миссионерами были основаны типография и училище, был осуществлен перевод Нового Завета на тюркский язык. Однако их проповедь среди местных нехристианских народов не принесла каких-либо зримых результатов. В то же время базельцы начали принимать в свое училище в Шуше армянскую молодежь, вызвав тем недовольство Армяно-Григорианской церкви, заподозрившей миссионеров в прозелитизме. Правительство Николая I сочло эти подозрения обоснованными. 26 июня 1835 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров, запрещавшее базельским миссионерам в Шуше осуществлять любые миссионерские действия и принимать в свои училища армянское юношество. После издания этого постановления Базельское общество отозвало своих представителей из России[14].

Обучение молодых армян в миссионерской школе не осталось, однако, без последствий. Из этих базельских воспитанников наибольшую известность получил уроженец города Шемахи, сын местного оружейного мастера Геворга Саркис Амбарцумянц

12. *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. С. 121.

13. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 173–173 об.

14. *Никитин Августин, архим.* Аугсбург — Базель — Россия. Базельская миссия в России // Миссионерское обозрение. 2000. № 10-12 (60-62). С. 18–19; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. X. Отделение 1-е. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 767–769.

(в документах и отчетах представителей русской администрации его фамилия пишется с русифицированным окончанием — «Амбарцумов»). После закрытия в 1835 г. миссии и школы в Шуше Саркис уехал с миссионерами за границу и продолжил образование там. Около 1840 г. он вернулся в Шемаху и открыл там с разрешения правительства частную школу, в которой наряду с общеобразовательными дисциплинами внушал детям исподволь протестантское учение. Через некоторое время вокруг Амбарцумянца образовался кружок последователей. Участники кружка устраивали собрания, где происходило чтение и толкование Евангелия и религиозных сочинений протестантских авторов. Ученики Саркиса стремились держать свое направление в тайне «и в тех случаях <…>, где они предвидели опасение, они твердили, что не уклоняются от своей религии». Они, «как и прежде, посещали Армянскую церковь, причащались, крестили своих детей и хоронили своих мертвых при участии Армянских священников»[15].

Члены шемахинского кружка, по-видимому, имели постоянные контакты с протестантскими миссиями за границей. Правда, инспектор воспитательных учреждений Базельского миссионерского общества пастор Йозеганс, встретившийся летом 1862 г. в немецком городе Вильдбад с кавказским наместником князем А.И. Барятинским, заверил последнего, что никаких связей со своим бывшим воспитанником миссионеры не поддерживают[16]. Однако в правдивости этих заверений можно усомниться. Бакинский военный губернатор князь К.Д. Тархан-Моуравов в рапорте исправляющему должность наместника князю Г.Д. Орбелиани от 30 ноября 1861 г. сообщал, что «Амбарцумов имеет сношения с миссионерами Германии и получает от них значительные материальные средства»[17]. Источники МВД доносили, что Амбарцумянц и его соратники получают помощь из-за границы, «через шемахинского аптекаря»[18]. Впрочем, поддержка общины Амбарцумянца могла исходить не только от немецко-швейцарских миссионеров. Много позже описываемых событий

15. *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. 3. С. 92; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. С. 538–539.

16. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. С. 541.

17. Там же. С. 539.

18. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 39 об.

другой базельский воспитанник-армянин, Авраам Амирханянц, откровенно признавал в письме, адресованном министру внутренних дел Л.С. Макову (от 1880 г.), что протестантское движение среди российских армян никогда не теряло связей с заграничными миссиями: оно «было вызвано евангелическими миссионерами в 30-х годах и с тех пор поддерживаемо американскими миссионерами из Турции»[19], а значит, имело связи с основанной этими миссионерами Армянской Евангелической церковью. В.Г. Тунян упоминает о контактах, установленных протестантами Шемахи с английскими (англиканскими) миссионерами из Малой Азии[20].

Община Амбарцумянца имела «общественную кассу», из которой осуществлялась помощь нуждающимся единомышленникам. Информаторы МВД утверждали, что некоторые армяне были привлечены к протестантскому кружку материальными соображениями:

> Так, например, один из ревностных сотрудников Амбарцумова Тараян, некогда богатый, а потом обедневший фабрикант, получил от Амбарцумова денежное вспомоществование на содержание фабрики, но за то, принимая к себе на фабрику бедных из Армян, они (Амбарцумянц и Тараян. — *И.А.*) пользовались их бедностию и неграмотностию и обращали их в свое учение[21].

Еще в 50-е гг. XIX в. патриарх-католикос Нерсес V Аштаракеци (1843–1857) санкционировал церковное следствие по поводу шемахинского евангелического кружка. Однако решительные меры в отношении шемахинских вольнодумцев армянские церковные власти предприняли после избрания на эчмиадзинский престол в 1858 г. Матеоса I Чухаджяна (именно он, занимая ранее, в 1844–1848 гг., престол армянского константинопольского патриарха, предал анафеме турецких армян-протестантов). В 1861 г. шемахинский епископ запретил собрания евангельского кружка. Вслед за этим сам патриарх-католикос издал кондак (указ), отлучающий от церкви «всех армян Шемахи, которые поступали противно обычаям и обрядам армяно-григорианской ре-

19. Там же. Л. 165 об.

20. *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. С. 92, 101.

21. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 37 об.

лигии». Кондак был подписан 25 апреля 1861 г. и официально торжественно объявлен 10 июня 1861 г.[22] Как сообщал губернатор Тархан-Моуравов, после объявления патриаршего акта среди участников кружка произошло разделение: «колеблющиеся остались в церкви», то есть менее стойкие приверженцы Амбарцумянца отошли от своего лидера. В то же время «Амбарцумов с своею партиею тотчас отделился и этим обозначил черту, отделяющую их от прочих армян», то есть вокруг шемахинского учителя образовалась группа твердых единомышленников, готовых к открытому разрыву с отеческой церковью[23]. В числе лидеров этой группы, наряду с самим Саркисом Амбарцумянцом, были его ближайшие соратники, которых А.Ф. Крузенштерн именует «Исаак Антонов и Рустам Габриэлов» (видимо, среди соотечественников они именовались Антонян(ц) и Габриэлян(ц)). Патриарх потребовал, чтобы все трое предводителей раскольнической группы явились к нему для объяснений. Однако лидеры кружка на приглашение не отозвались, вместо этого они составили прошение властям о дозволении им и их последователям перейти из Армяно-Григорианской церкви в лютеранство[24]. Вначале было подано прошение на имя кавказского наместника, под которым подписались 90 человек, вслед за этим было подано аналогичное прошение на высочайшее имя за подписью 81 человека[25].

Подобное ходатайство не противоречило действовавшим законам о перемене вероисповедания. В Российской империи до 1905 г. запрещался и даже карался в уголовном порядке переход из господствующей Православной церкви в любые другие конфессии, а также переход из христианских исповеданий в нехристианские. Присоединение к православию иноверных подданных, напротив, всемерно поощрялось, оно могло быть совершено беспрепятственно любым приходским священником[26]. Перехо-

22. *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. 3. С. 92; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. С. 540; *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. С. 101.

23. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. С. 538.

24. *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. 3. С. 92.

25. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 15 об.

26. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Т. XV. СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. Кн. 1. Уложение о наказаниях

ды из одной инославной христианской церкви в другую допускались, но лишь после получения разрешения от гражданской власти: на основной территории империи — министра внутренних дел, на Кавказе — наместника Кавказского (так что в данном случае именно прошение армян к наместнику было правомерным, обращение же на высочайшее имя — юридически излишним). Разрешая в ряде случаев перемену вероисповедания частным лицам, российский закон запрещал духовенству и мирянам всех конфессий, кроме православной, заниматься активным прозелитизмом — «прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии». Сами прошения о перемене веры должны были подаваться желающими «без всякого участия духовенства того исповедания, в которое они перейти желают»[27]. Теоретически власти могли и отказать просителю в разрешении перемены религии, но, как правило, такая санкция давалась. По замечанию П. Верта, «государство присвоило себе право действовать как верховный арбитр в делах религиозной идентичности в Российской империи»[28]. Правда, для некоторых случаев вероисповедных переходов был установлен облегченный порядок. Например, в соответствии с высочайшим повелением от 12 января 1852 г., эчмиадзинскому патриарху-католикосу дозволялось принимать в Армяно-Григорианскую церковь армяно-католиков собственной властью без получения санкции МВД или Кавказского наместничества[29]. Здесь сказалось особое покровительство государства Армяно-Григорианской церкви, поддержка ее усилий по возвращению в свое лоно «заблудших сынов». Армяно-католики были довольно малочисленны, но само их существование подрывало монополию Эчмиадзина на духовное руководство армянской нацией, и такую же угрозу представлял переход части армян в протестантское исповедание. Поэтому прошение жителей Шемахи, хотя оно и не противоречило существовавшим законам, вызвало у власти весьма тревожную реакцию.

уголовных и исправительных. С. 49–51; Устав духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1843. С. 9–11.

27. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Т. XI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. С. 5–6.

28. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. С. 44.

29. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 258. Л. 15–16.

Наместник Барятинский, судя по всему, не успел получить адресованное ему прошение; в 1861 г. он в связи с расстройством здоровья отправился для лечения на немецкий курорт Вильдбад и, вплоть до своей отставки в декабре 1862 г., не возвращался на Кавказ. Прошение на высочайшее имя было передано из комиссии прошений в МВД, и в результате дело, формально относившееся к компетенции Наместничества, было взято на контроль центральной властью. Точка зрения министра внутренних дел П.А. Валуева была высказана в его отношении на имя князя Г.Д. Орбелиани (временно исполнявшего обязанности наместника) от 30 апреля 1862 г. Министр напоминал, что русское правительство покровительствует Армяно-Григорианской церкви и противодействует распространению католицизма и протестантизма среди армян, «имеющему своим естественным результатом усиление влияния Франции и Англии, в ущерб нашего значения на Востоке». Вместе с тем, Валуев полагал, что в сложившейся ситуации во многом виноват сам патриарх-католикос, обвинивший армян Шемахи в протестантизме и отлучивший их лишь на основании факта проведения ими внецерковных собраний с чтением Евангелия. Он ссылался на утверждение самих просителей, которые заявляли, что не собирались отрекаться от «прародительской церкви», но отлучение, изданное патриархом, и последовавшее затем гонение со стороны соплеменников не оставляет им другого выхода, кроме перемены конфессии. В акте католикоса, по мнению либерального министра, проявился «дух нетерпимости, столь противный духу христианского учения и нашим законам». Министр полагал, что в свое время именно Матеос Чухаджян, занимая престол патриарха константинопольского, спровоцировал своими жесткими мерами против турецких армян, заподозренных в протестантизме, образование отдельной Армянской Евангелической церкви. Во избежание подобного же развития событий в российской Армении министр считал желательным побудить католикоса отменить отлучение, наложенное на шемахинских раскольников, разрешить им продолжать свои собрания с чтением Евангелия, в надежде, что они согласятся остаться в лоне отеческой религии. Для удержания членов евангельского кружка в рамках учения Армяно-Григорианской церкви, по мнению П.А. Валуева, было бы желательно прислать в Шемаху образованных армянских священнослужителей[30].

30. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. С. 539–541.

В сентябре 1862 г. наконец состоялась (видимо, стараниями российских властей) встреча Матеоса I с лидерами протестантского движения — Амбарцумянцом, Антононяном и Габриэляном, однако взаимопонимания стороны не достигли[31]. Великий князь Михаил Николаевич, в декабре 1862 г. сменивший Барятинского на посту наместника Кавказа, застал конфликт в самом разгаре. Патриарх-католикос и армянское духовенство требовали выслать из Шемахи зачинщиков раскола и принять меры к прекращению протестантской пропаганды. Отлученные армянские евангелисты, в свою очередь, жаловались на притеснения со стороны бывших единоверцев. Михаил Николаевич, как он указывал в письме к брату — Александру II, предпочитал действовать в умеренном ключе, приняв меры «как для воспрепятствования распространению раскола в армянской церкви, так и для избежания всего того, что могло бы носить на себе характер религиозного преследования»[32]. С одной стороны, следуя мнению Валуева, августейший наместник выразил католикосу сожаление по поводу его жесткой меры в отношении Амбарцумянца и его сторонников и попросил отменить отлучение. С другой — армянам, желавшим перейти в лютеранство, дали понять, что их просьба может быть удовлетворена при соблюдении ряда условий. Прибывший в Шемаху в октябре 1863 г. генерал-майор М.П. Колюбакин, назначенный исправлять должность бакинского военного губернатора вместо отставленного Тархан-Моуравова, разъяснил армянским евангелистам, что они неправильно, с точки зрения закона, подали прошение наместнику о перемене вероисповедания. Такие заявления следовало подавать каждому желающему в индивидуальном порядке, Амбарцумянц же и его сторонники подали общее ходатайство за подписью 90 человек. Одновременно армянам-раскольникам было указано на недопустимость прозелитизма, то есть любых действий, направленных на дальнейшее расширение протестантского кружка за счет приверженцев Армяно-Григорианской церкви, и на незаконность любых общественных молитвенных собраний до тех пор, пока их религиозное общество не получило официального признания. Затем генерал Колюбакин отдал распоряжение о закрытии частной школы Саркиса Амбарцумянца на том основании, что хозяин школы вы-

31. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 19об–20; *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. С. 101.

32. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 20–21.

ходил за рамки разрешенной ему программы, занимаясь пропагандой среди учеников протестантских религиозных воззрений[33].

Вскоре после сделанных распоряжений к наместнику стали поступать поданные по положенной форме индивидуальные прошения жителей Шемахи о переходе в лютеранство. Правда, многие просители ходатайствовали не только за себя лично, но также просили перевести в лютеранство своих жен и детей. Всего таких отдельных прошений было подано 106[34]. Кавказское наместничество в течение более чем двух лет медлило с вынесением решения по просьбам шемахинских армян. Этому были серьезные причины. Во-первых, у российских чиновников не было уверенности в том, что религиозные взгляды просителей в точности соответствуют доктрине церкви, к которой они желали присоединиться. Амбарцумянц был воспитанником не ортодоксальных лютеран, а межконфессионального братства базельских миссионеров, общая тенденция его кружка была протестантской, но без четких догматических рамок. Еще в 1861 г. губернатор Тархан-Моуравов констатировал в своем рапорте:

> Амбарцумов воспитан в духе евангелического учения, но воспитан, как видно, довольно поверхностно. Проповедуемые им догматы не имеют единичной формы для его последователей, которые, понимая их различно, исполняют их различным образом[35].

По сведениям, которыми на 1864 г. располагало МВД, вождь шемахинских раскольников, наряду с влиянием западного протестантизма, испытал влияние русской секты молокан, распространенной на Кавказе: «Так, например, он отверг установленные Армянскою Церковью посты, но в это же время по примеру молокан установил пост один день в неделю, кажется в понедельник»[36]. Желание членов кружка перейти в лютеранство объяснялось тем, что Евангелическо-Лютеранская церковь являлась наиболее значимой легально существующей протестантской конфессией в империи. При этом агенты МВД сообщали о признаниях Амбарцумянца в частных разговорах, что «он совсем не намерен подчиняться авторитету лютеранских консисторий, но желает

33. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 26–28 об., 31 об.–32 об.

34. Там же. Л. 33 об., 73 об.

35. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. С. 538.

36. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 37.

учредить особенную (то есть независимую. — *И.А.*) общину»[37]. Таким образом, существовали серьезные сомнения в том, что новообращенные армянские прозелиты будут лояльными и благонадежными членами российской Евангелическо-Лютеранской церкви. Во-вторых, МВД, державшее дело под своим контролем с 1862 г., рекомендовало Наместничеству не спешить с легализацией вероисповедного перехода жителей Шемахи. Министерством был выработан план действий, который был изложен директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий графом Э.К. Сиверсом в отношении на имя начальника Главного управления кавказского наместника сенатора барона А.П. Николаи от 25 февраля 1864 г. МВД исходило из убеждения, что протестантское движение среди армян искусственно поддерживается из-за границы базельскими миссионерами, «агентом» которых является Саркис Амбарцумянц. Поэтому в первую очередь следовало удалить из Шемахи (и вообще из мест проживания армянской диаспоры) Амбарцумянца и его наиболее деятельных сподвижников, «возложив на местное начальство устранять на будущее время всякие попытки со стороны базельских миссионеров через посредничество кого-либо поддерживать свои сношения с шемахинскими армянами». Затем «по прошествии времени, достаточного для того, чтобы страсти утихли, и каждый мог хладнокровно обсудить свой поступок» (без давления «миссионерских агентов». — *И.А.*), Министерство считало возможным удовлетворить прошения армян, которые останутся тверды в своем намерении перейти в лютеранство «по удостоверении в солидарности их религиозных убеждений с учением Евангелическо-Лютеранской церкви»[38].

Власти также не оставляли попыток осуществить высказанную еще в 1862 г. идею Валуева — побудить армян-раскольников к примирению с родной церковью посредством смягчения позиции патриарха. Далось это нелегко, ибо Матеос I находился в непростых отношениях с имперской администрацией. Лишь незадолго до своей кончины, последовавшей 22 августа 1865 г., католикос уступил давлению российских чиновников. 21 апреля 1865 г. им был издан кондак за № 140, которым снималось отлучение, наложенное ранее на заподозренную в отступничестве от церкви группу армян

37. Там же. Л. 38.

38. Там же. Л. 38–40 об.

Шемахи[39]. Вслед за этим специальное совещание по армянским делам, созванное кавказским наместником, приняло постановление об удалении из Шемахи Саркиса Амбарцумянца. Журнал совещания получил высочайшее утверждение 12 июля 1865 г. Предводитель армянских евангелистов был выслан в Пятигорск[40]. Ни та, ни другая мера не дали результатов. Никто из армян, подавших прошения о присоединении к лютеранству, их не отозвал. Более того, как сообщал в конце 1865 г. губернатор Колюбакин, шемахинские раскольники еще более укрепились в желании перейти в протестантизм и не соглашались принимать никаких обрядов от армяно-григорианского духовенства[41].

Теперь на очередь встал вопрос об экзаменовании («испытании») заявителей на предмет идентичности их воззрений евангелическо-лютеранским догматам. Осуществить «испытание» должен был компетентный лютеранский пастор, но российским сановникам, по-видимому, хотелось заранее обеспечить положительный результат. Так как удержать армян-отступников в лоне отеческой религии было уже невозможно, наилучшим вариантом теперь представлялось, чтобы они стали членами официальной Евангелическо-Лютеранской церкви, целиком подконтрольной властям империи, «нежели, чтобы они создали особую секту, никем не признанную, не контролированную и лишенную религиозного и нравственного руководства»[42] (так формулировал нежелательную для властей альтернативу барон Николаи в отношении на имя министра внутренних дел от 5 января 1866 г.). Фактически кавказская администрация к тому времени уже довольно жестко ориентировала протестантов Шемахи на присоединение к официальному лютеранству. В распоряжении наместника, доведенном до сведения членов протестантского кружка шемахинским уездным исправником 5 февраля 1865 г. (то есть еще до снятия патриаршего отлучения и высылки Амбарцумянца), разъяснялось, что к удовлетворению законным образом поданных просьб жителей Шемахи «нет препятствий, если они предварительно будут наставлены и испытаны в догматах Евангелическо-Лютеранской церкви чрез пастора, о присылке к ним которого они должны

39. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 59–62; *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. С. 136.

40. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 65. Л. 74, 89.

41. Там же. Л. 74 об.–75.

42. Там же. Л. 75–76.

просить». При этом все армяне, подавшие прошения о перемене вероисповедания, обязывались дать подписку о том, что они собираются присоединяться именно к Евангелическо-Лютеранской церкви, управляемой Генеральной консисторией, и не будут иметь никаких сношений с «заграничными миссионерскими обществами». В том же распоряжении говорилось о неправомерности подачи некоторыми армянами просьб за себя и домочадцев: жены, желавшие перейти в лютеранство вместе с мужьями, должны были написать самостоятельные прошения, вероисповедание несовершеннолетних детей могло быть изменено лишь в случае перехода в лютеранскую веру обоих родителей[43]. Шемахинскими протестантами акт наместника был воспринят положительно — как важный шаг на пути к официальному признанию их религиозного выбора. 26 марта 1865 г. они направили прошение в Московскую Евангелическо-Лютеранскую консисторию о присылке пастора для наставления их в догматах лютеранского вероисповедания и совершения для них духовных треб[44].

После этого началась переписка между МВД, Евангелическо-Лютеранской Генеральной консисторией и Кавказским наместничеством о кандидатуре пастора, долженствовавшего «испытать» шемахинских армян и совершить акт их присоединения к лютеранской церкви. Главная проблема состояла в том, что в распоряжении Генеральной консистории не было в тот период ни одного пастора, владевшего армянским языком. Впрочем, консистория тут же предложила выход — посвятить в пасторское звание Авраама Амирханянца, уроженца Шуши, происходившего из армянской семьи, склоненной некогда к протестантизму базельскими миссионерами, учившегося шесть лет богословию в Базеле, а затем сдавшего в Дерптском университете экзамен на звание уездного учителя[45]. Кандидатура Амирханянца, однако, была отвергнута властями по причине его связи с Базельским обществом. Барон Николаи отмечал в уже цитированной записке министру внутренних дел от 5 января 1866 г.: «Появление его (Амирханянца. — *И.А.*) там (в Шемахе. — *И.А.*), по всей вероятности, будет истолковано некоторым покровительством, оказываемым нашим Правительством Базельской пропаганде, и может вызвать нарекания со стороны Армянского духовенства». Исходя из это-

43. Там же. Л. 46–47.

44. Там же. Л. 45.

45. Там же. Л. 42–43 об., 158 об.

го, кавказский чиновник высказал мнение о предпочтительности посылки в Шемаху пастора, не владеющего армянским языком, однако благонадежного, то есть не подозреваемого в прозелитических устремлениях и контактах с зарубежными миссионерами; предполагалось, очевидно, что общение проповедника с армянами должно осуществляться через переводчика. Подобный пастор, по предложению Николаи, должен был иметь официальный предлог для командировки на Кавказ, формально не связанный с шемахинским делом[46] (дабы не нарушать законы, запрещавшие прозелитизм и участие духовенства в просьбах частных лиц о переходах из одной инославной церкви в другую). Генеральная консистория после того, как ей были разъяснены все эти соображения, обратилась 12 февраля 1866 г. к министру внутренних дел с предложением об отправке на Кавказ генерал-суперинтендента (высшего духовного лица) Московского консисториального округа Вильгельма-Густава-Иоганна Карлблома. Предложение было принято властями. Когда было завершено согласование вопроса между Кавказским наместничеством, МВД и МИД, Валуев представил Александру II доклад с изложением дела и предложением о принятии плана Николаи. 13 мая 1866 г. доклад получил одобрение императора[47]. После получения высочайшей резолюции Валуев и Сиверс отношением на имя Генеральной консистории от 22 мая 1866 г. санкционировали поездку Карлблома на Кавказ. Генерал-суперинтенденту при выполнении его миссии вменялось в обязанность «воздержаться от всякой дальнейшей пропаганды между армянами лютеранского учения и отторжения их от природной <…> Армяно-Григорианской Церкви»[48].

Командировка Карлблома состоялась в августе 1866 г. Вначале он прибыл в Тифлис, где получил от Главного управления наместника подробный рескрипт (за № 197 от 14 августа 1866 г.), содержавший инструкцию о порядке его действий в Шемахе. 22 августа лютеранский духовный сановник прибыл в Шемаху, получил от прибывшего туда двумя днями ранее бакинского губернатора Колюбакина список глав армянских семейств, которые подали прошения о переходе в лютеранство, и того же числа приступил к «испытанию» этих лиц. При беседе присутствовали «чиновники со стороны бакинского военного губернатора». Колюбакин

46. Там же. Л. 75–78.

47. Там же. Л. 89–91 об.

48. Там же. Л. 93об.–95 об.

в рапорте наместнику докладывал, что генерал-суперинтендент начал собеседование с армянами с «долгого увещевания обратиться в лоно прародительской церкви», то есть остаться в армяно-григорианстве (видимо так предписывал Карлблому рескрипт, данный в Тифлисе), и, лишь «убедившись в совершенной невозможности достигнуть этой цели, решился подвергнуть их испытанию и, нашедши их отлично знающими Евангелие и достаточно приготовленными в началах Лютеранской веры, сообщил мне об этом». Сразу после этого Колюбакин приказал через местного уездного начальника «объявить поименованным в списке лицам разрешение на переход в Евангелическо-Лютеранскую Церковь».

На основании данного разрешения на следующий день, 23 августа, к Карлблому явились те же самые, уже «испытанные», армяне, и был совершен акт принятия их в лютеранство. Тут же обнаружилось, что большинством армянских семей не было вовремя исполнено объявленное им ранее условие «об отдельной подаче прошений женами за себя и вместе с мужьями за малолетних и несовершеннолетних детей своих». Принятие прошений от жен новообращенных армян, их «испытание» и присоединение к лютеранству вместе с детьми было проведено ускоренным порядком в течение 23–24 августа. Затем, 25 августа, генерал-суперинтендент официально объявил о создании в Шемахе малого лютеранского прихода, подчиненного Московской консистории. Согласно заведенной тут же церковной книге новообразованного прихода в числе его прихожан «оказалось 173 душ мужеского и 140 душ женского пола»[49]. Общее количество обращенных в лютеранство армян (313 человек) составило примерно одну пятую часть всей армянской общины Шемахи, которая по данным на 1863 г. насчитывала «до 1500 душ»[50]. Колюбакин в своем рапорте отмечал, что «общество армяно-григориан» отнеслось к переходу своих бывших единоверцев в другую конфессию на удивление спокойно и даже «с большим участием следило за процессом присоединения». Губернатор объяснял подобную толерантность тем, что шемахинские армяне «исполнены к прародительской вере такого индифферентизма, что трудно себе представить что-нибудь подобное в других местностях, населенных армянами». Причину чиновник видел в низком нравственном уровне местного духовенства, предупреждая, что при сохра-

49. Там же. Л. 99–100, 107об.–108.

50. Там же. Л. 20 об.

нении существующего положения «легко может случиться, что оставшиеся армяне перейдут в Лютеранскую веру»[51].

В результате актов, совершенных светскими и духовными властями 22–25 августа 1866 г., в Российской империи появилась первая официально признанная лютеранская община, состоящая из этнических армян. Первый пастор для нового прихода, Израиль Бек-Долуханянц, был назначен лишь в 1869 г. [52] Впрочем, история шемахинской общины после ее официального признания в 1866 г., так же как история армяно-протестантских групп за пределами Шемахи, должны составить предмет отдельных исследований.

Решение проблемы шемахинских протестантов государственной властью империи определили три фактора: во-первых, восприятие протестантских и католических проповедников в армянской среде как своеобразных «агентов влияния Запада» и нежелание допустить отпадения от покровительствуемой Россией Армяно-Григорианской церкви даже небольшой части ее паствы; во-вторых, официальная «веротерпимость» российского государства, приверженность которой особенно подчеркивалась деятелями либеральной эпохи Александра II; и, в-третьих, та черта отечественной религиозной политики, которую М.Д. Долбилов охарактеризовал как «имперский конфессионализм», предполагавший «снисходительное отношение властей к неправославным конфессиям при условии их большей или меньшей открытости прямому административному контролю»[53]. Первый фактор обусловил то обстоятельство, что прошениям армян, желавших присоединиться к лютеранству, в течение пяти лет не давалось хода. Власти хотели прежде испытать все возможные средства, чтобы убедить евангелистов Шемахи остаться в «прародительской церкви». В конечном итоге, однако, российские сановники пришли к осознанию того, что насильственно удерживать в Армяно-Григорианской церкви людей, не разделяющих ее учение, не имеет смысла. Сыграл свою роль официальный либерализм «эпохи великих реформ».

Согласие властей признать религиозный выбор шемахинских евангелистов объяснялось, разумеется, и тем, что этот выбор не нарушал рамок узаконенной «веротерпимости». Возникшее примерно в тот же период (середина XIX в.) протестантско-сек-

51. Там же. Л. 110-110 об.

52. Там же. Л. 129, 130.

53. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. С. 43.

тантское движение русских штундистов, по многим признакам сходное с армянским евангелизмом, не смогло получить легализации вплоть до объявления свободы совести в 1905 г., более того, последователи «штунды» подверглись жестоким преследованиям на основании изданного против них в 1894 г. специального репрессивного закона[54]. Разница заключалась в том, что штундисты были отступниками от православия, шемахинские же раскольники желали выйти из инославной церкви (хоть и покровительствуемой российским государством, но не господствующей) и присоединиться к другому признанному неправославному исповеданию, что законом не возбранялось.

Из этого сопоставления видно, что «веротерпимость» российского правительства, даже после реформ Александра II, оставалась весьма ограниченной. Принцип государственно-бюрократического конфессионализма проявился прежде всего в требовании, чтобы шемахинские армяне не образовывали самостоятельной и неконтролируемой «секты», а вошли в состав имперской Евангелическо-Лютеранской церкви, отказавшись при этом от любых контактов с зарубежными миссионерами. Ученики Саркиса Амбарцумянца были в большинстве своем людьми простыми, не искушенными в догматических тонкостях, им вряд ли были понятны различия между лютеранством и другими ветвями протестантизма. Принятие в официальную лютеранскую церковь их вполне устроило, хотя, по-видимому, основатель движения изначально имел другие планы. Также чиновники проявили необычайную изобретательность в оформлении порядка перехода армян из одной конфессии в другую с тем, чтобы избежать всякого намека на «прозелитизм» со стороны задействованного в процедуре духовного лица; эта щепетильность доходила до анекдотических моментов, как, например, указание лютеранскому духовному сановнику Карлблому убеждать «испытуемых» им шемахинцев остаться в армяно-григорианстве. Наконец, власти всеми силами стремились локализовать возникший казус, чтобы дело ограничилось лишь уже «совращенными» армянами и не было никакого дальнейшего прозелитизма, направленного на расширение армяно-протестантской группы. Последнее не вполне удалось, ибо протестантское движение продолжало развиваться среди российских

54. *Амбарцумов И.В.* Русский штундизм, общество и власть в XIX — начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2011. Вып. 5(42). С. 30–47.

армян, будучи поддерживаемо деятелями Армянской Евангелической церкви, основанной американскими миссионерами в Турции.

Библиография / References

Архивные материалы

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Ф. 821 — Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Оп. 7. Д. 65. Переписка с Главным управлением наместника кавказского и другими учреждениями и лицами по вопросам распространения лютеранской пропаганды среди армяно-григориан. 6 января 1862 г. — 30 ноября 1904 г.

Оп. 10. Д. 258. Дело о разработке правил о порядке перехода из одного исповедания в другое. 19 апреля 1904 г. — 22 марта 1906 г.

Опубликованные материалы

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала Князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1904.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. X. Отделение 1-е. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.

Свод законов Российской империи, издания 1857 года. СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.

Устав духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1843.

Литература

Амбарцумов И.В. Армяно-григорианская церковь и Российское государство в конце XIX — начале XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2010. № 4. С. 115–127.

Амбарцумов И.В. Армяно-католический вопрос в Российской империи в начале XX в. // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 84–105.

Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. — июль 1914 г.). Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2014.

Амбарцумов И.В. Русский штундизм, общество и власть в XIX — начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2011. Вып. 5(42). С. 30–47.

Амбарцумов И.В. Эчмиадзинские католикосы и их влияние на общественно-политическую жизнь Армении (1892–1912) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2012. № 3. С. 76–7.

Верт П. Глава церкви, подданный императора: армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 // Ab imperio. 2006. № 3. С. 99–138.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: НЛО, 2012.

Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее церкви. М.: Юнистрой СК, 2005.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. 3. М.: Университетская типография, 1891.

Никитин Августин, архим. Аугсбург — Базель — Россия. Базельская миссия в России // Миссионерское обозрение. 2000. № 10-12 (60-62). С. 18–19.

Тунян В.Г. Армяно-русские отношения в церковной сфере. 1836–1917 гг. // Akunk. 2013. № 2(8). С. 3–23.

Тунян В.Г. Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. Ереван: Чартарагет, 2011.

Archival Materials

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (The Russian State Historical Archive)

F. 821 — Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii MVD [Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]

Op. 7. D. 65. Perepiska s Glavnym upravleniem namestnika kavkazskogo i drugimi uchrezhdeniiami i litsami po voprosam rasprostraneniia liuteranskoi propagandy sredi armiano-grigorian. 6 ianvaria 1862 g. — 30 noiabria 1904 g. [Inventory 7. D. 65. Correspondence with the Chie f administration of the Viceroy of Caucasus and other institutions and persons concerning Lutheran propaganda among the adepts of the Armenian Apostolic Church, 6 January 1862–30 November 1904.]

Op. 10. D. 258. Delo o razrabotke pravil o poriadke perekhoda iz odnogo ispovedaniia v drugoe. 19 aprelia 1904 g. — 22 marta 1906 g. [Inventory 10. D. 258. Case of working out the rules about the procedure of conversion from one confession to another, 19 April 1904–22 March 1906.]

Published materials

Akty, sobrannye Kavkazskoiu arkheograficheskoiu komissieiu. T. XII. Kavkaz i Zakavkaz'e za vremia upravleniia general-ad"iutanta general-fel'dmarshala Kniazia Aleksandra Ivanovicha Bariatinskogo. 1856-1862 [*Acts collected Caucasian Archaeological Commission: Vol. XII. Caucasus and Transcucasia under the Rule of Adjutant General, General and Fieldmarshal Prince Aleksandr Ivanovich Baryatinsky*] (1904). Tiflis: Tipografiia Kantseliarii glavnonachal'stvuiushchego grazhdanskoiu chast'iu na Kavkaze.

Svod zakonov Rossiiskoi imperii, izdaniia 1857 goda [*Digest of Laws of the Russian Empire, 1857 edition*] (1857). SPb: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e. T. X. Otdelenie 1-e [*Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. X. Pt. 1*] (1836). SPb.: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii.

Ustav dukhovnykh konsistorii [*Statute on Ecclesiastical Consistories*] (1843). SPb.: Sinodal'naia tipografiia.

Literature

Ambartsumov, I.V. (2010) "Armiano-gregorianskaia tserkov' i Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XIX — nachale XX veka" [The Armenian Apostolic Church and the Russian government in the late 19th to the early 20th centuries], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* 4: 115–27.

Ambartsumov, I.V. (2012) “Armiano-katolicheskii vopros v Rossiiskoi imperii v nachale XX v.” [The Armenian-Catholic issue in the Russian empire at the beginning of the 20th century], *Khristianskoe chtenie* 4: 84–105.

Ambartsumov, I.V. (2012) “Echmiadzinskie katolikosy i ikh vliianie na obshchestvenno-politicheskuiu zhizn′ Armenii (1892–1912)” [The Catholicoi of Etchmiadzin and their influence on Armenian society and politics (1892–1912)], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* 3: 76–87.

Ambartsumov, I.V. (2014) “Nepravoslavnye khristianskie ispovedaniia v sisteme rossiiskoi gosudarstvennosti (konets XIX v. — iiul 1914 g.).” Diss. ... kand. ist. nauk” [Non-Orthodox Christian denominations in the Russian governmental system, end of the 19th cent. to July 1914. PhD thesis in history]. SPb.: S.N.

Ambartsumov, I.V. (2011) “Russkii shtundizm, obshchestvo i vlast′ v XIX — nachale XX v.” [Russian Stundism, society and government in the 19th to the early 20th centuries], *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* 42(5): 30–47.

Guaita, G. (2005) *1700 let vernosti. Istoriia Armenii i ee tserkvi* [*1700 Years of Faithfulness: History of Armenia and its Churches*]. M.: Iunistroi SK

Dolbilov, M.D. (2010) *Russkii krai, chuzhaia vera: etnokonfessional′naia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian country, foreign faith: The ethnoconfessional politics of empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. M.: NLO.

Nikitin, Avgustin, archim. (2000) “Augsburg — Bazel′ — Rossiia. Bazel′skaia missiia v Rossii” [Augsburg—Basel—Russia: The Basel Mission in Russia], *Missionerskoe obozrenie,* 60–62 (10–12): 18–19.

Ohanjanyan, A. (2014) “Evangelical and Pentecostal Communities in Armenia: Negotiating Identity and Accommodation”, in *Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice,* ed. A. Agadjanian, pp. 91–121. Farnham: Ashgate.

Tunian, V.G. (2013) “Armiano-russkie otnosheniia v tserkovnoi sfere. 1836–1917 gg.” [Armenian-Russian relations in the religious sphere, 1836–1917], *Akunk* 2 (8): 3–23.

Tunian, V.G. (2011) *Katolikos Mateos I Chukhadzhian: konflikt s samoderzhaviem Rossii. 1858 — 1865 gg*. [Catholicos Mateos I Chukhajian: The Conflict with Russian autocracy, 1858–1865]. Erevan: Chartaraget.

Werth, P. (2006) “Glava tserkvi, poddannyi imperatora: armianskii katolikos na perekrestke vnutrennei i vneshnei politiki imperii, 1828-1914” [The head of the church, a subject of the emperor: The Armenian Catholicos at the junction of the internal and foreign politics of empire, 1828–1914], *Ab imperio,* 3: 99–138.

Werth, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziia Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, non-Orthodoxy, heterodoxy: Sketches on the history of religious diversity in the Russian empire]. M.: NLO.

Zisserman, A.L. (1891) *Fel′dmarshal kniaz′ Aleksandr Ivanovich Bariatinskii. 1815–1879. T. 3.* [Fieldmarshal Prince Aleksandr Ivanovich Baryatinsky, 1815–1879. Vol. 3]. M.: University Printing House.